

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.2

УДК 316.2 | ББК 60.51(0)6-2

© Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Худякова Ю.

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИЗНЕННОГО МИРА» В СИМВОЛИЧЕСКОМ ИНТЕРАКЦИОНИЗМЕ, ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ПРАГМАТИКАХ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ. ЧАСТЬ I

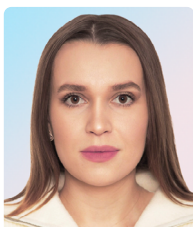
ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА АНДРИАНОВА

Тюменский государственный университет
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Тюмень, Российская Федерация
email: e.v.andrianova@utmn.ru
ORCID: [0000-0002-7769-9206](https://orcid.org/0000-0002-7769-9206)

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДАВЫДЕНКО

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
email: v.a.davydenko@utmn.ru
ORCID: [0000-0001-8389-4254](https://orcid.org/0000-0001-8389-4254)

ХУДЯКОВА ЮЛИЯ

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
email: y.khudyakova@utmn.ru
ORCID: [0009-0007-9183-8624](https://orcid.org/0009-0007-9183-8624)

В статье предложен авторский подход в представлении ключевых параметров дефиниции «жизненный мир» (life world) с точки зрения символического интеракционизма, феноменологии и прагматики коммуникативного действия как основополагающих компонентов социологических теорий. Актуальность материалов статьи заключается в том, что четко демонстрируется, каким образом основные макротечения в гуманитарной науке – марксизм, функционализм и веберизм, которые пытаются представить ролевые системы в их объективном

контексте – могут быть дополнены конструктивными компонентами современной субъективно-понимающей социологии микроуровней в контекстах смысловых структур и правил интерпретации, в терминах которых актор определяет ситуацию, свое самопонимание (*self-understanding*), мотивацию, действия и другие измерения укорененности социальных ролей в контексте жизненного мира (*context of the lifeworld*). Новизна исследования состоит в том, что в статье показаны переходы от микроуровней к макроструктурным феноменам и обратно как результаты взаимодействий и коммуникаций на микроуровне, в том числе в рамках теорий «порядков взаимодействия» (*orders of interaction*) в моделях И. Гоффмана, «ритуальных цепочек взаимодействия» (*interaction ritual chains*) Р. Коллинза, «коммуникативного действия» (*communicative action*) как механизмах «символического воспроизводства» (*symbolic reproduction*) в моделях Ю. Хабермаса, позволяющих изучать динамику и контексты индивидуального и группового «жизненного мира» и его компонентов. Авторы статьи предприняли попытку решить амбициозную задачу – на базе опорных пунктов понимания социальных действий и коммуникаций в поле интерсубъективности выявить, какими способами смысл и значения приобретают статус социальной объективности.

Дефиниция «жизненный мир», его компоненты, их динамика и взаимные пересечения, символический интеракционизм, феноменология повседневного мира, теории и прагматики коммуникативного действия.

Введение

Цель работы заключается в формулировании и проверке авторской гипотезы в представлении современной концепции «жизненного мира» и ее компонентов на базе современной интерпретативной социологии, которая состоит в предположении о том, что суждение о нем объективно (*objective*) в тех случаях, если оно принимается на основе интерсубъективного (или транссубъективного) притязания на значимость валидности/достоверности (*transsubjective validity claim*) и имеет одинаковое значение / смысл как для участников событий, так и для самого действующего субъекта.

Актуальность материалов статьи состоит в том, что на базе изучения различных точек зрения современной парадигмы «жизненного мира» и ее значимых компонентов вскрываются наиболее существенные проблемы и противоречия социальной реальности, которые на основе предлагаемого аналитического аппарата могут быть подвергнуты операционализации и затем эмпирической верификации.

Опираясь на доктрины, разработанные в феноменологии повседневного мира (Гуссерль/Husserl; Шютц/Schütz), привнося ключевые компоненты из символичес-

кого интеракционизма («эго-идентичность» (*ego identity*) Мид/Mead; Блумер/Blumer, Гоффман/Goffman), привлекая базовые тезисы теории и прагматики коммуникативного действия (Парсонс/Parsons, Хабермас/Habermas), авторы статьи поставили амбициозную задачу: на основе этих опорных пунктов выдвинуть аргументы, объясняющие разработку концепции «жизненного мира» в социологии как парадигмальное последствие концептуального поворота от теории познания (гносеологии как анализа отношений «субъекта» и «объекта» и эпистемологии как изучения отношений «объект – знание») к теории коммуникации.

Предлагаемый научный конструкт ориентирует на такое понимание значимости поведения и событий, когда знание «здорового смысла», которому соответствует образ «повседневного мира» (*everyday world*), ясно и четко артикулируемый в культурно детерминированных и дифференцированных смысловых контекстах «жизненного мира» (*lifeworld*) того знания, в рамках которого происходит социальное действие. Передаваемое на повседневном языке, это знание считается интерсубъективным (*intersubjective*) в том плане, что в нем конституируется мир, в котором индивид мо-

жет принять точку зрения другого, при этом очевидно, что она ограничивает сферу его интенциональности. Это знание состоит из предписаний относительно того, чего индивид обычно может ожидать как при взаимодействии с другими людьми, так и при столкновении с природной средой. Научный конструкт в статье представляет идеи интерпретирующей социологии «жизненного мира», когда предписания, становящиеся личными форматами ожиданий и установок, определяют объемы возможных проектов и масштабы действий, которые идентифицируют мотивирующие схемы интерпретации, актуализируют фактуальные структуры, которые должны согласовываться с основными наборами типизаций.

Хотя изменяющая теоретическая основа может разрушать исходную структуру и различные картины «социокультурного мира» (socio-cultural world), но диалектика тождества – различий – противоположностей – противоречий – конфликта – разрушения и появления нового основания, отражающаяся в развитии их разных моделей и контекстов, для современной экономико-социологической науки имеет особое, фундаментальное значение, чем и обусловлены теоретическая и практическая актуальность данной статьи. Научная проблема, решению которой посвящена статья, сопряжена с решением противоречий, возникающих в общей методологии эмпирических наук, посредством углубления и расширения доступа к социальным фактам через понимание смысла, операционализированного на дифференцированной основе парадигм – символически-интеракционистских, феноменологических, функционалистских, теорий коммуникативного действия, разнообразных контекстов «жизненного мира» (life world). В статье предложен авторский подход в представлении ключевых параметров дефиниции «жизненный мир» с точек зрения символического интеракционизма, феноменологии повседневного мира и прагматики коммуникативного действия как конструктивных создающих компонентов социологических теорий. Актуальность материалов статьи состоит в

том, что четко демонстрируется, каким образом основные макротечения в гуманитарной науке – марксизм, функционализм и веберизм, которые пытаются представить ролевые системы в их объективном контексте – могут быть дополнены конструктивными компонентами современной субъективно-понимающей социологии микроуровней в контекстах смысловых структур и правил интерпретации, в терминах которых актор определяет ситуацию, свое самопонимание (self-understanding), мотивацию, действия и другие измерения укорененности социальных ролей в контексте жизненного мира (context of the lifeworld).

Новизна работы заключается в том, что в статье показаны переходы от микроуровней к макроструктурным феноменам и обратно как результаты взаимодействий и коммуникаций на микроуровне, в том числе в рамках теорий «порядков взаимодействия» (orders of interaction) в моделях И. Гоффмана, «ритуальных цепочек взаимодействия» (interaction ritual chains) Р. Коллинза, «коммуникативного действия» (communicative action) как механизмах «символического воспроизводства» (symbolic reproduction) в моделях Ю. Хабермаса, позволяющих изучать динамику и контексты индивидуального и группового «жизненного мира» и его компонентов. Цель, которую авторы преследуют в статье, – постичь структуру индивидуальных и социальных жизненных миров в понимающей социологии с позиций символического интеракционизма, феноменологии и прагматики коммуникативного действия, что позволяет выявить общее и особенное как их компонентов, так и динамики в их переходах посредством коммуникаций, переживаемых в соответствующих социальных контекстах. Фокусировка на противоречивых моментах «рационализации» и «не-рационализации» жизненных миров формулирует научную проблему, которая состоит в наличии противоречий, сопряженных со сложностями идентификации теоретико-практического предмета исследования в сфере интерсубъективности (intersubjectivity) акторов, сотрудничающих

друг с другом во взаимосвязанных перспективах и взаимных ролях в рамках одного и того же коммуникативного контекста, требующих изучения конкретных моделей их общения и действия. Предпринятая в статье логика изложения, лежащая в основе интерпретационной социологии, поворачивает категориально-понятийную пару терминов «рационализация – не-рационализация» жизненного мира в достаточно новую и оригинальную концепцию общности, которая приобретает существенное теоретическое значение.

Научный вклад авторов статьи следует обозначить как теоретико-методологическое обоснование «интерпретативной социологии» (interpretive sociology), которое хотя и выходит за рамки стандартной методологии эмпирических гуманитарных наук, но не связано со специфическими процедурами сбора и анализа данных. Авторы статьи поставили амбициозную задачу – на базе опорных пунктов понимания социальных действий и коммуникаций в поле интерсубъективности выявить, какими способами смысл и значения приобретают статус социальной объективности. В этом плане мы следуем методологии Ю. Хабермаса, который отмечал фундаментальную общность взаимно обусловленных ключевых дефиниций «объективность», «рациональность», «валидность», представляемых в поле интерсубъективности (трансубъективности). Важно подчеркнуть, что в методологическом плане указывается на то, что они могут быть обоснованы и доказуемы в зависимости от степени подтверждаемости фактами, если они воплощают знание, которое может быть подвержено ошибкам, восприимчиво к критике и открыто для разных суждений. Этими в своем комплексе сравнительно новыми авторскими подходами выдвигаются аргументы аутентичности, подлинности и адекватности, объясняющие разработку концепции «жизненного мира», объясняется теоретическая и практическая актуальность статьи в социологии как парадигмальное последствие концептуального поворота от теории познания (гносеологии как анализа отноше-

ний «субъекта» и «объекта» и эпистемологии как изучения отношений «объект – знание») к современной теории коммуникации.

Обзор литературы

Исследование дефиниции «жизненный мир» в социальных науках имеет широкую научную традицию и сопряжено с такими направлениями, как феноменология повседневного мира (Гуссерль, 2006, 2009, 2010; Шютц, 2003а, 2003b, 2004, 2008); социальное конструирование реальности (Бергер, Лукман, 1995); символический интеракционизм (Мид, 2009, 2014; Blumer, 1986; Blumer, Morrione, 2004; Блумер, 2017; Гофман, 2000, 2002, 2004, 2009); герменевтика (Гадамер, 1988, 1991, 2000); этнометодология (Гарфинкель, 2003, 2007, 2009, 2012; Cicourel, 1964, 1968, 1974, 1979, 1985; Witzel, Meu, 2004); интерпретативная социология (Вахштайн, 2003, 2011, 2015, 2022; Ионин, 1979, 2010, 2022); лингвистические (Витгенштейн, 1994а, 1994b, 2005, 2009, 2017; Уинч, 1996; Winch, 2016) и литературные подходы (Бахманн-Медик, 2017; Bachmann-Medick, 2016; Bachmann-Medick et al., 2020; Parker, 2019); теории и прагматики коммуникативного действия (Habermas, 1984, 1985, 1988а, 1988b, 1990а, 1990b, 1993, 1995а, 1995b, 1996, 1998, 2001, 2008; Parsons, 1954, 2017а, 2017b); концепты «жизненного мира села», «сельского мира», «пространств сельской жизни» в работах Ж.Т. Тощенко и его коллег (Тощенко, 2016, 2017, 2019, 2022); феноменологических разработках В.Г. Виноградского (Виноградский, 2015, 2016, 2017а, 2017b, 2018, 2019); пространственных исследованиях Т.Г. Нефедовой и коллег (Нефедова и др., 2015; Нефедова, 2017, 2018, 2021; Нефедова, Мкртчян, 2018; Нефедова и др., 2021); научной школы антропосоциокультурного подхода Н.И. Лапина и его верификациями в социокультурно-портретной тематике (Лапин, 2000, 2005, 2010, 2011, 2013, 2015, 2018, 2020, 2021а, 2021b, 2021с, 2021d), Л.А. Беляевой (Беляева, 2018, 2023), Е.А. Когай и др. (Когай, 1997; Когай и др., 2011, 2019, 2020; Когай, Самойлов, 2014; Когай, Пасовец, 2020; Когай, Ромашкина, 2022).

В этих работах прослеживается, в той или иной степени, базовая идея «рационализации жизненного мира» (*rationalisation of the lifeworld*), которая является «сквозной» и фундаментальной для самых разнообразных подходов, концепций и парадигм, сопряженных как с различными типами социальных действий, так и с эмпирическими верификациями. «Жизненный мир» состоит из «сети коммуникативных действий» (Habermas, 1996, p. 80), которые через их интерсубъективистские трактовки (*intersubjectivist accounts*) фокусируются на социокультурных механизмах символического воспроизводства, обеспечивающего адекватное понимание социальных образований как жизненных миров, имеющих свои собственные «структурные компоненты». Все это, в свою очередь, превращает дефиницию «рационализация жизненного мира» в универсальную концепцию общества, которая приобретает существенное теоретическое значение.

В работе Н. Флигстина и Д. МакАдама (Fligstein, McAdam, 2012) была выдвинута и верифицирована гипотеза о том, что социальные изменения и социальный порядок можно понимать через то, что они посчитали «стратегическими полями действия» (*strategic action fields*). Ученые утверждают, что эти поля являются общими строительными блоками политической и экономической жизни, гражданского общества и государства и фундаментальной формой порядка в нашем современном мире. Подобно русским матрешкам, они вложены друг в друга и связаны в более широкой среде почти бесчисленных близких и перекрывающихся полей. Поля взаимозависимы; изменение в одном часто вызывает изменение в другом. В основе теории стратегических полей действия (*strategic action fields*) лежит объяснение того, как социальные акторы создают и поддерживают порядок в данной области. Эта социологическая теория действия была обозначена термином «социальный навык» (*social skill*), который можно перевести также как социальная компетенция / социальное умение. Эта теория действия помогает объ-

яснить, что именно индивиды делают в стратегических областях затем, чтобы добиваться сотрудничества или участвовать в конкуренции.

Из всего набора ключевых авторов и направлений в данной статье в силу ограниченности места мы оставляем для анализа и изучения три базовых концепции – символический интеракционизм, феноменологию и прагматику коммуникативного действия, и привлекаем наиболее ярких их представителей.

Ключевая идея статьи заключается в том, что для адекватного в научном плане понимания «жизненного мира» требуется понять природу интерсубъективности (*nature of intersubjectivity*) взаимодействующих субъектов (агентов, акторов или «лиц, принимающих решения»), когда они приходят к одинаковым интерпретациям своей ситуации; и в этом отношении интерсубъективность основана на одинаковости восприятия ими значения/смысла (*sameness of meaning*) их ситуации, коммуникации, действий и правильных горизонтов планирования будущих решений. Парадигмальный социологический случай достижения такой «идентичности смыслов/значений» (*identity of meaning*) должен основываться на интерсубъективной (а не просто на субъективной) коммуникации как утверждению валидности/истинности/значимости/достоверности (*validity*). Интерсубъективность должна быть объяснена на создаваемой модели того, как два (или более) разных индивида могут использовать термин с одним и тем же значением/смыслом (*term with one and the same meaning*) (Habermas, 2001).

Тем самым ставится и решается научная задача относительно того, как в разных гуманитарных подходах интерпретативной социологии (феноменологии, символического интеракционизма, теории и прагматики коммуникативного действия) представляются разные концепты «жизненного мира» и его модификаций, в том числе «жизненного мира села», «сельского мира», «пространства сельской жизни», антропосоциетальной теории и практики, социокуль-

турно-портретной тематики, что приводит нас к парадигме жизненного мира через соответствующие intersubjective коммуникации индивидов и групп (Andrianova et al., 2022; Беляева, 2018, 2023; Вахштайн, 2003, 2011, 2015, 2022; Виноградский, 2019; Виноградский, Виноградская, 2019, 2020; Виноградский и др., 2020; Давыденко, Андрианова, 2022, 2023; Когай, 1997, 2001; Когай, Самойлов, 2014; Когай и др., 2019; Когай, Ромашкина, 2022; Лапин, 2000, 2005, 2018, 2020, 2021a, 2021b, 2021c, 2021d; Тощенко, 2015, 2016, 2017, 2019, 2022; Тощенко, Великий, 2018).

Логика решения поставленной задачи такова: мы обращаемся к «жизненному миру» в символическом интеракционизме (Мид, 2009, 2014; Блумер, 2017; Blumer, 1986; Blumer, Morrione, 2004; Гофман/Goffman, 2000, 2002, 2004, 2009), переходим к анализу дефиниции «жизненный мир» согласно требованиям и теоретико-методологическим основаниям теории и прагматики коммуникативного действия Ю. Хабермаса и Т. Парсонса (Habermas, 1984, 1985, 1988a, 1988b, 1990a, 1990b, 1993, 1995a, 1995b, 1996, 1998, 2001, 2008; Parsons, 1954, 2017a, 2017b).

Структура статьи формируется, следуя из представленной выше логики анализа и обсуждения предложенной тематики «жизненного мира», дается в формате соответствующих смысловых блоков.

«Жизненный мир»

в символическом интеракционизме

Основы символического интеракционизма, который примерно с 1935 года стал одним из ведущих направлений социологической теории, заложил Д. Мид (George Mead). Считается, что он наряду с Э. Дюркгеймом переоткрыл науку социологию как таковую, противопоставив ее психологии. Д. Мид бросил вызов преобладающим в то время психологическим теориям о разуме, подчеркнув социальную основу мышления, действия и общения. Его смелые научные труды о символических измерениях действия и взаимодействия продолжают сегодня определять значительные социально-психологические

и социологические символические и интеракционистские работы (Мид, 2009, 2014; Applerouth, Desfor, 2021, p. 84). В отличие от «фактуальной социологии», связанной с фигурой Э. Дюркгейма, который впервые изложил основную концепцию социологии как научной дисциплины и очертил свою концепцию социальных фактов, символические интеракционисты в парадигме Д. Мида исследуют субъективные категории, стоящие за повседневной жизнью (everyday life). Символические интеракционисты заняты интерпретацией смыслов и значений повседневной жизни индивида, что отражает их акцент на заинтересованности на сфере «жизненного мира» (life world).

Основная теоретическая ориентация Д. Мида сопряжена с тем, что его видение «жизненного мира» – это то видение, в котором социальный порядок (social order) постоянно возникает через продолжающиеся действия индивидов, которые пытаются ориентироваться или осмыслить ситуации, в которых они оказываются. Д. Мид рассматривал разум в поле стимул – реакция не как эфемерный «черный ящик» (психологический бихевиоризм), а как поведенческий процесс с обратными связями, как таковой он вполне был доступен для научного исследования. Более конкретно, разум – это действие, которое влечет за собой внутренний «разговор со значимыми жестами». В этом внутреннем разговоре индивид занимает позицию «другого», вызывая в собственном сознании те же реакции на свое потенциальное действие, которые возникают в сознании другого человека. Таким образом, индивиды формируют свои действия на основе воображаемых реакций, которые они приписывают другим. С точки зрения Д. Мида, разрабатываемое им новое направление в социологии должно делать акцент на применение идей обратной связи в бихевиористической психологической конструкции $S \rightarrow R$, где стимул (S) вызывает (\rightarrow) реакцию (R), а все взаимоотношения $S \rightarrow R$ называются оперантным поведением. Согласно Д. Миду, для научной социологии имеет значение достаточно новая конструк-

ция обратной связи: $R \rightarrow S$, применяемая для приложений исследования социальных процессов, где обратные связи – это связи по стрелочке от реакции (R) к стимулу (S). В этом пункте возникает новое направление в социологической науке, которое его ученик Г. Блумер обозначил как символический интеракционизм. При использовании конструкции $R \rightarrow S$, возникает самоконтроль с обратными связями на стимулы, то, что мы говорим и делаем, что является формой социального контроля, поскольку мы сверяем свои действия – отбрасывая одни варианты и стремясь к другим – с реакциями, которые, как мы ожидаем, вызовут другие.

Символический интеракционизм Д. Мида сформирован целым рядом интеллектуальных течений, наиболее значительное из которых – это прагматизм, уникальная американская философская доктрина, разработанная главным образом благодаря работам Ч.С. Пирса (1839–1914), У. Джеймса (1842–1910) и Д. Дьюи (1859–1952). В отличие от большинства европейских философских школ прагматизм не был ориентирован на раскрытие универсальных истин или формальных принципов человеческого действия или желаний. Вместо этого он был предложен как метод изучения взаимосвязи между значениями объектов и сознательными действиями. Более конкретно, ранние прагматики утверждали, что значение объектов и действий заключается в их практических аспектах, то есть в том, как они позволяют индивидам адаптироваться к проблемам, с которыми они сталкиваются, и главное – решать их. Таким образом, философские дефиниции «истина», «значение» и «смысл» обнаруживаются в том, что «работает» применительно к конкретным обстоятельствам. Это не фиксированный идеал, существующий вне жизненного опыта. Суть в том, что значение объектов или социального взаимодействия коренится в действии, в повседневном практическом поведении, то есть в том, как они используются по мере того, как индивиды занимаются конструированием своего поведения в границах «жизненного мира» (life world). Хотя такая позиция кажется не осо-

бенно спорной, она основана на множестве предположений относительно природы индивида и его взаимоотношений с внешним миром. В этом отношении очень важным является то, чем Д. Мид и прагматики в целом обязаны немецкому идеализму, философии И. Канта (1724–1804) и Г. Гегеля (1770–1831). Именно И. Кант предположил существование «двойственного я» (twofold self) или «двойного я» (double I): осознавая свое «я» (self), индивид «расщепляется» (splits) на «Я» как субъект (the I as subject) и «Я» как объект (the I as object). Действительно, для И. Канта и других философов именно способность к «рефлексивности» (ability to reflexivity) – способность переживать себя как мыслящий, воспринимающий субъект и одновременно как воспринимаемый объект – отличает людей от всех других форм животных. Влияние этих идей на Мида наиболее очевидно в том, что он превратил двойственное «я» (twofold self) Канта в различие между «Я» (I) и «не-Я» (me) («я», переводимое и понимаемое как «меня»). Не менее важным, с кантианской точки зрения, является постулат о том, что не существует независимой реальности, отделимой от воспринимающего субъекта. Напротив, внешний мир объектов и событий существует только «благодаря их сознательному восприятию» (conscious apprehension of them).

Таким образом, жизненный мир – это не что-то «там», «снаружи», что субъект должен открыть для себя, а та «задача, которую необходимо выполнить» (task to be completed), когда мы прокладываем свой путь через ежедневные жизненные встречи (life's daily encounters). Более того, нельзя сказать, что само сознание существует, если во внешнем мире нет какого-либо объекта, который человек замечает или начинает осознавать. Таким образом, акт познания (субъект) и познаваемое (известный объект) тесно взаимосвязаны, чем и обусловлена сама исходная концепция «жизненного мира». Хотя Д. Мид заимствовал многие важные идеи из гносеологии И. Канта, но он не воспринял всех ее фундаментальных принципов. Возможно, наиболее важным является то, что, в отли-

чие от И. Канта, Д. Мид не утверждал, что ментальные категории (восприятие времени, пространства или красоты), посредством которых организовано наше восприятие и которым придается значение, существуют независимо от познающего субъекта. Д. Мид вместо этого утверждал, что такие категории возникают и усваиваются именно в процессе взаимодействия с другими людьми (Applerouth, Desfor, 2021, p. 610).

Структура «жизненного мира» (life world) Д. Мида согласно интерпретациям американских теоретиков С. Аппелроут и Л. Десфор состоит из следующих ключевых компонентов: (1) «I» – импульсивное «Я»; (2) «me» – рефлектирующее «Я» («меня»); (3) «Self» – «Я как самость» («я сам», «эго», «свое я», «мое я», «собственное я»); (4) «Mind» – «разум» (ум, рассудок, сознание, психика, мысль); (5) «Meaning» – «смысл» (значение, значимость); (6) «Significant symbols» – «значимые символы»; (7) «Play stage» – «игровая площадка»; (8) «Play» – «индивидуальная игра»; (9) «Game» – «коллективная игра»; (10) «Game stage» – «этап игры» («игровая стадия»); (11) «Taking the attitude of the other» – «принятие отношения к другому» («принятие позиции другого»); (12) «Generalized other» – «обобщенное другое» («обобщенный другой»); (13) «Society» – «общество» (общность, сообщество, социум); (14) «Life world» – «жизненный мир» (Applerouth, Desfor, 2021, p. 620–621; Абельс, 2000, с. 10–46). Д. Мид уделял мало внимания институтам и большим группам в структурном смысле этих терминов, классовой или статусной динамике, поскольку он не верил, что эти коллективистские силы определяют сознание или действия человека. Однако он не отрицал роли общества в формировании личности индивида, его установок и поведения. Наше «я» (our self), по сути, является социальной конструкцией, поскольку оно основано на восприятии того, как другие будут реагировать на наше поведение. Таким образом, в важных аспектах Джордж Мид рассматривал индивида, личность и общество как диалектически взаимосвязанные, каждое из них формирует другое и не может существовать без него.

Тем не менее центральные элементы социального взаимодействия происходят в нашем «воображении» (imagination). В свою очередь Д. Мид подчеркивал индивидуалистические аспекты «я» (the «I»), «самости» (the «me»), «обобщенного другого» (the «generalized other»), «роль мышления и языка» (role of thinking and language) в социальной жизни (social life). Для Д. Мида язык был нейтральным средством символического общения с другими и с самим собой. Ум или мышление человека, которые для него тесно связаны с языком, не являются продуктом его положения в обществе. Эту точку зрения часто сравнивают с мнением Маркса, который утверждал, что индивидуальное сознание и взгляд на мир определяются ее классовой позицией. Предположения Д. Мида относительно языка не являются бесспорными. Так, многие наблюдатели утверждают, что использование термина «он» (he) в качестве универсального местоимения делает женщин невидимыми, незаметными (invisible). Обнуляя опыт женщин, социальная реальность (social reality) и сам жизненный мир патриархальных отношений затушевывается, тем самым больше укрепляется. Также многие американские социологи утверждают, что формулировки вопросов стандартизованного теста для приема в высшие учебные заведения в США теста SAT (Scholastic Aptitude Test, Scholastic Assessment Test, дословно «Академический оценочный тест») отражают классовые, гендерные и расовые предубеждения. В той мере, в какой профессия и заработная плата привязаны к уровню образования, якобы «объективный» тест SAT, таким образом, увековечивает структурно обоснованные модели экономического неравенства (Applerouth, Desfor, 2021, p. 621). Подчеркнем, что Ю. Хабермас основывался при создании теории коммуникативного действия в том числе на идеях Д. Мида (Habermas, 1984).

Продолжая разработки тематики «жизненного мира» в символическом интеракционизме, остановимся на нюансах концепций Г. Блумера (Блумер, 2017; Blumer, 1986; Blumer, Morrione, 2004; Абельс, 2000,

с. 47–66) и И. Гоффмана (Гоффман, 2000, 2002, 2004, 2009; Абельс, 2000, с. 187–246).

Рождение дефиниции символического интеракционизма (symbolic interactionism) как отдельной теоретической точки зрения относится к 1937 году, когда Герберт Блумер (Herbert Blumer) (1900–1987) впервые ввел этот термин в научный оборот и обрисовал в общих чертах центральные концепции, которые стали теоретической основой этой научной перспективы. Г. Блумер – основатель Чикагской школы символического интеракционизма, в 1940–1952 гг. был главным редактором Американского журнала социологии (American Journal of Sociology), что свидетельствует о чрезвычайно высокой его научной репутации. Если у Д. Мида в качестве опосредующего звена между S→R была дефиниция «дух», идущая из парадигмы «философии сознания», то у Г. Блумера – дефиниция «мысль», соответствующая американскому понятийно-категориальному аппарату социологии в то время. В свою очередь Г. Блумер далеко продвинул всю интеллектуальную повестку Чикагской школы посредством кодификации и переинтерпретации ключевых идей Д. Мида при анализе отношений индивида и мира в схеме взаимоотношений S→R и R→S, особенно в моделях отношений к коммуникациям и языку, с учетом основополагающих идей и традиций прагматизма (др.-греч. *πράγματός* – «дело, действие»), с фокусировкой на разработке дефиниций действия, взаимодействия, процессуальности, конструировании социальных структур и реально действующих обратных связей – целого комплекса исследовательских усилий по изучаемой реальности – именно тем, чем Чикагская школа и отличалась от других социологических направлений. Г. Блумер, как и Д. Мид, подчеркивал приоритетность смыслов и значений: как таковых (meanings), взаимодействия (meaning of interaction) и интерпретации (meaning of interpretation), необходимых для согласования коммуникаций и действий индивидом в едином поле «жизненного мира». Интерпретация (interpretation) влечет за собой конструирование значения объектов

или действий другого индивида, поскольку смысл или значение не «высвобождается» и не является неотъемлемым элементом самих вещей или внешних действий. На основе своей интерпретации или определения ситуации – индивид затем реагирует на ее физическое и социальное окружение по схемам взаимоотношений S→R и R→S. Критика популярного в то время направления функционализма состояла в том, что социологический функционализм, по мнению Г. Блумера, представлял социальную структуру как «смирительную рубашку» («straitjacket»), определяющую поведение индивидов и групп, и он, в конечном счете, «прячет смыслы» («hides meanings»), оставляя социологу лишь функции как процессы и функции как реальные результаты (Applerouth, Desfor, 2021, p. 1015).

Отбирая из разных источников ключевые моменты «жизненного мира» Г. Блумера, подчеркнем следующие идеи его оригинального подхода: «Self-consciousness» – «Самосознание», способность видеть себя таким, как тебя видят другие люди; «Concept ability to see oneself as others» – «Концептуальная способность видеть себя таким, как это видят другие люди (просто другие)»; «Concept anticipate responses to one's behavior» – «Концепция предвидения (предвосхищения) реакций других людей на свое поведение»; «Gestures involving significant symbols» – «Жесты, включающие значимые символы»; «The essence of human society: society is activity» – «Сущность человеческого общества: общество это есть активность человека»; «Man (a person) as an active organism and self» – «Человек есть действующий организм и самость»; «Man (a person) creates his own world in the process of its interpretation» – «Человек сам создает свой мир в процессе его интерпретации (Applerouth, Desfor, 2021, p. 1013–1015; Абельс, 2000, с. 47–66).

Опираясь на классическую работу Герберта Блумера «Символический интеракционизм» (Блумер, 2017), мы стремились увязать категории культуры с категориями структуры и с понятийно-категориальным

аппаратом символического интеракционизма, который использует эти категории с точки зрения понимания действия «мостов» («bridges») – итераций в системах обратных связей по схемам взаимоотношений $S \rightarrow R$ и $R \rightarrow S$ в случаях, когда добавляются опосредующие понятия «самости», «идентичности», «интеракции», «итерации» – в итоге воплощаясь в конструирование своих «жизненных миров».

Фокусируя внимание на И. Гоффмане (Erving Goffman, 1922–1982) как уникальном представителе «второго поколения» Чикагской школы, олицетворявшем главные идеи символического интеракционизма своими способами, мы подчеркиваем, что его крупным научным вкладом стало исследование о символическом взаимодействии в игровой форме, описанное в книге «Представление себя другим в повседневной жизни» (Гоффман, 2000), признанной мировым социологическим сообществом как новая социальная теория. Целостность творчества И. Гоффмана проистекает из его неуклонного внимания к природе социального взаимодействия, коммуникациям и организации в поддержании социального порядка. На протяжении всей своей карьеры он разрабатывал концепции, которые дополняли друг друга, переплетались и опирались друг на друга, что давало все более подробный набор параметров для изучения социального взаимодействия в целом, особенно на публике (Гоффман, 2009).

Во «Введении» к хэндбуку, посвященному его творчеству, редакторы подчеркивали, что И. Гоффман был и остается одним из самых значительных, но в то же время одним из самых нетрадиционных авторов в области социологических исследований на протяжении всего XX века (Jacobsen, Smith, 2022). Его научные труды отличались большой оригинальностью, безошибочным остроумием и непревзойденным умением изучать и описывать мельчайшие детали социального взаимодействия. Он создал уникальный способ охватить, казалось бы, тривиальные аспекты повседневной жизни, которая до тех пор в значительной степени игнориро-

валась большинством его современников. Что касается ключевого для нас соотношения микро- и макро-, то социология И. Гоффмана была микросоциологической, не стремилась создать всеобъемлющую теорию социальной трансформации или «общества» как макроструктурного феномена. Таким образом, такие темы, как экономика, проблемы неравенства, бюрократии или социальной власти, не были особенностями его работ. Его гораздо больше интересовали раскрытие, концептуализация и анализ мира повседневной деятельности, жизненного мира и того, как общество было организовано и как функционирует посредством личного взаимодействия (Jacobsen, Smith, 2022, p. 6).

Термин, изобретенный для обозначения взаимосвязи между микро- и макроуровнями, И. Гоффман назвал «слабой связью» («loose coupling») – слабой связью в смысле свободного и гибкого соединения в коммуникации и действиях индивидов, что стало одной из самых глубоких социологических концепций И. Гоффмана. Он исследует, как между микро- и макроуровнями «слабая связь» подразумевается во многих эмпирических деталях в том смысле, что «мифический текст» (mythical text) трансформируется в «перформансный текст» (performance text). Поведение или действие – это всегда нечто большее и нечто отличное от того, что теоретизируется. «Слабая связь» применима к различию между Гоффманом-этнографом и Гоффманом-теоретиком. Этнография организована вокруг идеи различий в статусе, в то время как теоретически важной концепцией является то, как социальные статусы распределяются и накладываются друг на друга (Riggins, 1990, p. 5). Кроме того, для обозначения связи между микро- и макроуровнями И. Гоффман применял разработанную им методологию, воплощаемую в теорию «ритуальных цепочек взаимодействия» (interaction ritual chains). Эта редкая по своей значимости находка И. Гоффмана была затем заимствована и творчески реинтерпретирована Р. Коллинзом, который признавал существенный вклад Гоффмана в конструктивное содействие и дальнейшее

развитие его собственной «радикальной микросоциологии». Ее ключевая идея состоит в том, что имеет значение изучение социальных явлений макроуровня как реальных результатов взаимодействий акторов на микроуровне (Collins, 2004, р. 23–25). Этот подход взаимосвязи микро- и макро-, в свою очередь, породил весьма обширную и все более расширяющуюся исследовательскую традицию (Smith, 2022, р. 47). В частности, Р. Коллинз представил поразительно глубокий анализ социальной стратификации, а также курения и секса для иллюстраций динамики «ритуальных цепочек взаимодействия». По его утверждению, эта весьма амбициозная теория стремится объяснить «мотивацию от момента к моменту, ситуацию за ситуацией» (Collins, 2004, р. 45), выводя тем самым точку зрения И. Гоффмана за рамки «порядка взаимодействия». Продолжая логику анализа, Р. Коллинз разработал новые подходы «ситуационной стратификации» (situational stratification), «макро- и микро- ситуационных классов, статусов и власти» (macro- and micro-situational class, status, and power), «экономического класса как реализации схем Зелизер (Zelizer)» (economic class as Zelizer circuits), а также выявлял «границы статусных групп и категориальных идентичностей» (status group boundaries and categorical identities) (Collins, 2004, р. 258–268).

Объединив результаты собственных выборочных эмпирических исследований с аналитическими изысканиями, И. Гоффман выдвинул предположение о важности «социального я» (social self), которое узнаваемо отличается от «психологического я» (social self). Одной из фундаментальных концепций И. Гоффмана является его теория «взаимодействия лицом к лицу» / «взаимодействия лиц» (face engagement) или «столкновение» / «встреча» / «стычка» (encounter), которая обеспечивает своего рода минимальный социальный контекст для оценки (социально значимых) действий индивидов, в то же время предоставляя перспективу, которая говорит о (траекториях движения людей) коллективной деятельности. Он с самого начала отстаивал важность личного достоин-

ства (personal dignity) и «сохранения лица» (saving face) в поддержании социального порядка (social order), возможно, особенно в условиях современных социальных изменений. Согласно точной и емкой оценке Ю. Хабермаса, «парадигмальное значение для формирования теории в социальных науках» благодаря Гоффману приобрела концепция драматургического действия; научное значение приобрели «концепция нормативно регулируемого действия благодаря Дюркгейму и Парсонсу, концепция коммуникативного действия благодаря Миду и Гарфинкелю» (Habermas, 1984, р. 87). Сам Ю. Хабермас по-своему реинтерпретировал модель драматургического действия И. Гоффмана и встроил ее в свою модель «трех чистых типов» (three pure types) или «предельных случаев» (limit cases) коммуникативного действия (communicative action): разговор (conversation), нормативно регулируемое действие (normatively regulated action) и драматургическое действие (dramaturgical action), связав их со стратегическими действиями, перлокутивными актами и императивами, тем самым выстраивая классификацию лингвистически опосредованных взаимодействий (Habermas, 1984, р. 328).

«Драматургический принцип действия» (dramatic principle of action) И. Гоффмана, как особо подчеркивает Ч. Эджли, свидетельствует именно о том, «как люди создают смыслы в своей жизни» (how people create meanings in their lives) (Edgley, 2022, р. 18), как, зачем и почему они это делают – то есть тем самым поднимают экзистенциальные вопросы на уровне своей повседневности, встраивая их в свои «жизненные миры» (life worlds). По знаменитому афористичному высказыванию создателя символической антропологии К. Гирца (Clifford James, 1926–2006), «драматургия», как и другие виды «интерпретативных парадигм» в социальных науках, «связывает действие с его смыслом, а не поведение с его детерминантами» (connects action to its sense rather than behaviour to its determinants) (Geertz, 1985, р. 34). «Смысл» в его истинно драматургическом значении

(dramatic sense) возникает из акторского согласия между индивидами. Это значение Д. Мид называл «социальным актом» (social act), который следует понимать в парадигме интерсубъективности (intersubjectivity). На этом уровне мира повседневного взаимодействия (world of everyday interaction) мы ориентируемся на других людей как на субъекты коммуникаций и действия; мы не взаимодействуем с ними как с «естественными объектами», а, скорее, обнаруживаем, что говорим и действуем друг с другом во взаимосвязанных перспективах и взаимных ролях в рамках одинаково понимаемой валидности – примерно одного и того же коммуникативного контекста (обоснованности, действительности). Интерпретативная социология не сможет полностью освободиться от такой перспективы коммуникативного опыта, кроме как ценой доступа к своим данным для адекватной трактовки, истолкования, то есть «объективно», или как существующего целиком внутри самого «поля опыта» (fields of experience) (Edgley, 2022, p. 18). Смысл в драматургическом значении возникает из акторского консенсуса между людьми тогда, когда между ними имеется понимание в поле интерсубъективности, и тем самым смысл обретает статус социальной объективности. По этому важному для нас поводу Ю. Хабермас справедливо отмечал фундаментальную общность взаимных отношений: «объективности», «рациональности», «валидности» в поле интерсубъективности (или транссубъективности), указывая на то, что «рациональность выражения» (rationality of an expression) «основывается на его восприимчивости к критике и обоснованию: оно удовлетворяет условию рациональности, тогда и постольку, если и поскольку оно воплощает знание, подверженное ошибкам, с указанием на них, и тем самым имеет отношение к объективному миру (то есть имеет отношение к фактам), и также открыто для объективного суждения. Суждение может быть объективным (objective), если оно принимается на основе транссубъективного притязания на значимость валидности/доверности (transsubjective validity claim),

и имеет такое же значение для наблюдателей, а также не участников событий, как и для самого действующего субъекта. Правдивость и эффективность – вот требования такого рода. Утверждения и целенаправленные действия тем рациональнее, чем лучше связанные с ними притязания на пропозициональную истинность (propositional truth) или на эффективность (efficiency) могут быть защищены от критики и адекватно ей противостоят» (Habermas, 1984, p. 9). Во втором томе «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас через термины «социальный порядок» («social order») и «теория действия» (action theory) приблизился к объективистской репрезентации общности как «жизненного мира членов социальной группы» (lifeworld of the members of a social group) (Habermas, 1985, p. 204).

Возвращаясь к И. Гоффману, отметим, что социальный порядок (social order) он представлял как такой процесс, посредством которого систематизируется поведение индивидов, как образец/паттерн, который обеспечивает структуру их взаимодействия и который, в свою очередь, сам создается посредством этого взаимодействия. Социальный порядок нужен для обеспечения координации между людьми, когда они взаимодействуют, и эта координация во многом является частью коммуникативного поведения. Особо подчеркнем, что дефиницию «социальный порядок» он понимал как «социальный порядок взаимодействия» (social order of interaction), который регулируется, как правило, действующими моральными нормами: «кодексом чести» (code of honor) или «классом правил» (class of rules), названными им «ситуационными приличиями» (situational propriety), которые могли бы эффективно обеспечивать «своего рода порядок движения коммуникаций» (Smith, 2022, p. 45).

Широкое признание получил новый концептуально-инновационный словарь И. Гоффмана, включающий такие введенные им в научный оборот термины, как управление впечатлением (impression management), лицо (face), взаимодействие с лицом (face

engagements), работа с лицом (face-work), самопрезентация (self-presentation), гражданская невнимательность (civil inattention), ритуал взаимодействия (interaction ritual) и анализ фреймов (frame analysis) (набор таких терминов гораздо больше); все это перенимается другими, включая многих, кто идентифицирует себя как специалистов по коммуникациям (Leeds-Hurwitz, Winkin, 2022, p. 189). Концепция «ролевой дистанции» содержала эмпирически обоснованную критику ролевой теории, доминировавшей в то время структурно-функциональной традиции, указывая на ее слабую способность анализировать конкретное социальное поведение во всех аспектах, кроме самых обобщенных (Jacobsen, Smith, 2022, p. 4). Одним из первых И. Гоффман стал изучать микро-социологию в формах межличностного взаимодействия, детально прорабатывать введенные им новые направления: «драматургический подход» к взаимодействию людей, «фрейм-анализ», а также инструментальные теоретические метафоры, задающие перспективы повседневной жизни: «повседневные артефакты как реквизит», «место как сцена», «общение как демонстрация» (Гоффман, 2000).

М. Мэрилин справедливо считает, что И. Гоффман в строго научном плане «расширил» психологическую концепцию (psychological concept) «я»/«самости» (self), основанную на личностных чертах и семейных моделях, до социологической концепции (sociological concept) «социальной самости» (social self), основанной на социально одобренном участии и социальной ориентации человека в отношении различных групп и видов деятельности (activities). С ее точки зрения, И. Гоффман верно утверждал, что социальное «я» (social self), по сути, «конструируется» посредством ситуативных постановлений и практических привычек, причем другие действующие лица и культурные реквизиты подсказывают соответствующие сценарии, роли и мировоззрения. Большая часть модных работ по «социальной идентичности» (social identity) во многом совпадает с интерпретациями «социальной самости» (social self)

(Merritt, 2018, p. 6). Это высказывание ясно говорит о том, что даже психологи, довольно слабо учитывающие социальные контексты в своих тестированиях (Ryan, Deci, 2017), очень высоко оценивают теорию «социальной самости» (social self) И. Гоффмана.

Фокусируя внимание на многочисленных разработках подходов к жизненному миру И. Гоффмана, мы подчеркиваем, что он был одним из лучших американских социологов своего поколения. Его научные взгляды формировались под непосредственным влиянием социального реализма Э. Дюркгейма, эго-социологии Д. Мида, формальной социологии Г. Зиммеля, символического интеракционизма Г. Блумера, этно-методологии, неокантианской методологии, американского прагматизма. С помощью повседневных приемов индивиду, согласно И. Гоффману, поддерживают создаваемые друг у друга впечатления, учитывая последствия, связанные с применением этих техник, включая разнообразные механизмы самовоспроизводства социального взаимодействия, к которым, в частности, относится прагматичная выгода (Абельс, 2000, с. 214).

Согласно достаточно взвешенной оценке С. Эпплераут и Л. Десфор, теоретическую ориентацию И. Гоффмана расшифровать особенно трудно (Applerouth, Desfor, 2021, p. 1036–1092). Его общий подход многомерен не только в том смысле, что он обращается к различным секторам структуры социального порядка и действия, но сами сущностные свойства (субстанции) его конкретных концепций, которыми он варьирует, простираются в пределах многих различных предположений, признаваемых истинным, пока не доказано обратное. Исходные дефиниции «жизненного мира» И. Гоффмана представлены в терминах «манера поведения» (demeanor), «управление впечатлениями» (impression management), «performer»/«character» (исполнитель/характер), которые встроены в горизонтальную ось социального порядка индивидуального сектора; в квадранте, образованном по осям индивидуализм – рационализм, оказались «торговцы моралью» (merchants of morality);

в квадранте по осям коллективизм – не-рационализм оказались дефиниции «определение ситуации» (definition of the situation), «моральные правила» (moral rules), «почтение (статусный порядок)» (deference (the status order)). Анализ этой концепции продолжен во второй части данной статьи.

Подход к жизненному миру Ю. Хабермаса

Теоретический подход, рассматривающий общество как жизненный мир, по Хабермасу, не «просто отфильтровывает» (does not simply filter out) актуальные вопросы, касающиеся материального воспроизводства. Несмотря на определение жизненного мира в терминах коммуникативного действия, он допускает в ряде отрывков, что стратегическое действие тоже может быть проанализировано в терминах «жизненного мира», потому что оно опирается на те же ресурсы «жизненного мира», что и коммуникативное действие (Habermas, 2008, p. 21). Как он признавал, за исключением «предельного случая» (limit case) криминального требования, стратегическое взаимодействие предполагает принятие сторонами правовых норм, которые исключают одни стратегии или тактики и допускают другие, и часто стратегические конкуренты признают внеправовые нормы. Стратегическое действие опирается на компетенции и мотивации, которые Ю. Хабермас проанализировал в разделе «личность» (Habermas, 2008, p. 25). По его мнению, социальные факты могут быть поняты только в терминах мотиваций (как проявление субъективизма), чем и должно быть обусловлено подтверждение общей взаимосвязи между гипотезой и эмпирическими (фактуальными) проявлениями.

В итоге определяется логическая взаимосвязь понимания и объяснения. Хабермас, безусловно, прав в том, что коммуникативное действие несет основную нагрузку по воспроизведению символических структур жизненного мира. Вместе с тем проблематика логического парадокса между несовместимостью интерсубъективистских трактовок коммуникативного и стратегического

действия как некая совокупность круга проблем может разрешаться в рамках гипотезы оптимальной понимаемости (intelligibility) социального действия. Гипотеза оптимальной понимаемости социального действия в данных условиях, конечно, сама по себе не является доказательством существования закономерной связи. Такая гипотеза должна оказаться верной независимо от правдоподобности интерпретации с точки зрения мотивации. Таким образом, логическая взаимосвязь понимания и объяснения может быть сведена к общей взаимосвязи между гипотезой и эмпирическим подтверждением. Благодаря такому пониманию появляется возможность интерпретировать рационально преследуемую цель как вполне достаточную мотивацию для наблюдаемого действия. Но лишь тогда, когда полученное в результате предположение о закономерности поведения, возникающей при данных обстоятельствах, будет эмпирически обосновано, можно говорить, что наше понимание мотивации привело к объяснению социального действия (Habermas, 1990a, p. 11).

«Сегменты жизненного мира», в котором происходят конкретные действия или взаимодействия, являются «ситуацией» действия. Ситуация – это «контекст значимости», ограниченный «горизонтом», а не какими-либо фиксированными границами: то, что находится в пределах горизонта значимости и, следовательно, включено в ситуацию действия, зависит от «темы» действия и «планов» агентов, акторов, субъектов или действующих лиц. Действующие лица интерпретируют и определяют свою ситуацию и формулируют свои планы, опираясь на свои «запасы знаний» (stocks of knowledge) – социально обусловленные знания, передаваемые и дифференцированно распределяемые среди членов общества. Действие, с этой точки зрения, – это «овладение ситуацией» (mastering the situation) или реализация плана (Habermas, 1985, p. 121–125). В ходе процесса рационализации жизненного мира его «структурные компоненты», которые слиты воедино в «архаичных» обществах, дифференцируются в триаду: культура – общество

(сообщество) – личность (индивид). Именно с такого типа рационализации все «символическое воспроизводство» социальных формаций – культурное воспроизводство, социальная интеграция и социализация – ставится в зависимость все в большей степени от коммуникативных достижений участников процесса (Baхter, 2011, p. 149). При этом имеет значение то, что в жизненном мире возможно не только коммуникативное, но и «стратегическое действие» (strategic action), которое «ориентировано на успех» (success-oriented). Стратегические действия имеют связь с материальным воспроизводством, парадокс между несовместимостью intersубъективистских трактовок коммуникативного и стратегического действия Хабермас разрешил весьма изящным способом. После длительных аналитических исследований он в конечном счете пришел к выводу, что анализ материального воспроизводства требует иного подхода, а не основанного на модифицированной версии теории социальных систем Т. Парсонса (Parsons, 1954, 2017a, 2017b). Но этот аргумент заключается не просто в том, чтобы сделать вывод из определения жизненного мира, исключающего стратегические действия. В этом нет ничего удивительного. Как считал А. Шютц¹, «перспектива жизненного мира» справедливо отсылает нас к проблематике действия в целом – даже если «социальные образования» представляются как «жизненные миры» в формах соответствующих «структурных компонентов».

Кратко резюмируя, отметим, что научный вклад и новизна исследований Ю. Хабермаса заключались в следующем: создание новой критической теории; разработка новой темы «освоение жизненного мира»; разработка новой темы «системы»; разработка новой теории коммуникативной рациональности; разработка теорий инструментального, стратегического и коммуникативного действия, разработка диалогической формы коммуникации и операционализация проблемы «согласия» как «непротивления сторон»; внедрение нового категориально-понятийного аппарата,

сопряженного с новой парадигмой коммуникативного согласия.

Для нас имеют особое значение те концептуальные моменты парадигмы коммуникативного согласия, которые вслед за Ю. Хабермасом и Т. Парсонсом мы переосмысливаем как основные понятия социального взаимодействия (basic concepts of social interaction). Впервые эту идею разработал Д. Мид. Парадигму коллективной репрезентации (collective representation) впервые разработал Э. Дюркгейм. Наша задача – найти общие и особенные их смысловые структуры, опираясь на двухтомную книгу: Jürgen H. (1985). *The Theory of Communicative Action, Volume 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist by Thomas McCarthy* (Translator) Publisher: Beacon Press. 457 p. (Habermas, 1984, 1985).

Общество (society) с точки зрения действующих субъектов (perspective of acting subjects) понимается как «жизненный мир социальной группы» (lifeworld of a social group). С точки зрения стороннего наблюдателя общество представлено как система действий (system of actions), где действие (action) имеет свое функциональное значение (functional significance) в соответствии с его вкладом в поддержание системы (maintenance of the system). Объединяя системную концепцию общества (system concept of society) с концепцией жизненного мира (lifeworld concept), как это делал Д. Мид, можно найти наиболее сильную эмпирическую опору в жизненном мире (lifeworld), где «структуры лингвистически опосредованного, нормативно направляемого взаимодействия непосредственно составляют поддерживающие социальные структуры» (supporting social structures). В нашем случае – через изучаемые нами эмпирические нарративы. Методология Ю. Хабермаса как концепция общества радикально отличается от методологии Т. Парсонса, который переосмысливал структурные компоненты жизненного мира (культуру, общество/сообщество, личность/персону) как системы действия (action systems), составляющие друг для друга среду (environments) обитания. Понятие жизненного мира, полученное с точки зрения те-

¹ Ведущие идеи Шютца будут представлены во второй части данной статьи.

оретико-действенной перспективы (action-theoretical perspective), сопрягается с теоретико-системными концепциями (systems-theoretical concepts) – понятно и корректно. «Жизненный мир» по Т. Парсонсу (как подсистемы общей системы действия): культура; общество; личность; сопряженные с ними в категориях подсистем действия; институциональная система как взаимодополняющая среда в сопряженных с ними категориях подсистем действия. «Жизненный мир» по Ю. Хабермасу (понятийно-категориальный аппарат) включает все компоненты «жизненного мира» по Т. Парсонсу плюс авторские «добавки»: условия коммуникативного действия; планы в различных горизонтах жизненного мира; совместно разделяемые трактовки ситуации участников коммуникации; «физический субстрат» (physical substrate); «системы поведения» (behavior system) – материальное воспроизводство, поддержание символических структур, институциональные структуры; «сегменты релевантных контекстов»; поддержание структурных паттернов (pattern maintenance); изучаемые ситуации (темы, цели, планы, проблемные зоны); изучаемые эмпирические нарративы (высказывания, тексты, истории, сказки и др.); потребности в росте консенсуса; валидности и прагматики; формальные и реальные прагматики; различные иллокутивные роли; ограничения в конструктивных форматах критики; акцент на различиях между интерналистской и экстерналистской трактовками жизненного мира; уровни исследования: микро- и мезо- жизненные миры.

Это тот понятийно-категориальный аппарат, который может налагаться и сопрягаться с ситуациями как фактуальными компонентами жизненных миров. Условием коммуникативного действия при этом являются попытки акторов успешно и совместно согласовать свои планы в горизонте общего для них жизненного мира, опираясь на сообща разделяемые трактовки ситуации, конструктивно и общими силами. Изучаемая ситуация – это сегмент релевантных контекстов жизненного мира (segment of lifeworld contexts of relevance), выделяющийся вы-

бранными темами (повестками) и артикулируется через выбираемые цели, которые могут быть реализованы с помощью планов действий. Все это – «релевантные контексты актуальности», которые концентрически упорядочены и которые могут становиться «все более анонимными, рассеянными и расплывчатыми» по мере увеличения пространственно-временной и социальной дистанции. Структурные компоненты жизненного мира по Ю. Хабермасу стали подсистемами общей системы действия (general system of action), к которой причисляется «физический субстрат» (physical substrate) жизненного мира с «системой поведения» (behavior system). Воспроизводство общества (reproduction of society) представляется поддержанием символических структур (symbolic structures) жизненного мира (lifeworld). Проблемы материального воспроизводства не просто отфильтровываются; поддержание материального субстрата жизненного мира является необходимым условием для поддержания его символических структур. Процессы материального воспроизводства рассматриваются с точки зрения действующих субъектов, которые целенаправленно справляются с ситуациями; то, что «отфильтровывается» – это аспекты взаимосвязи общественного воспроизводства, противоречащие интуиции. Эти ограничения предполагают имманентную критику герменевтического идеализма интерпретативной социологии (critique of the hermeneutic idealism of interpretive sociology). Предложения, выдвинутые Ю. Хабермасом, пытаются привлечь во внимание принципиальные методологические подходы, связанные с двумя различными концептуальными стратегиями между интерналистской и экстерналистской трактовками жизненного мира.

Интерналистская (internus – внутренний) трактовка жизненного мира признает движущей силой развития внутренние факторы (особенно интеллектуальные ресурсы, объективную логику возникновения и решения проблем, эволюцию интеллектуальных традиций и исследовательских программ),

в то время как экстерналистская (*externus* – внешний) трактовка жизненного мира – это философско-методологическая позиция, в которой научное познание определяется в значительной степени внешними условиями, социальными, политическими и историческими взаимодействиями. С точки зрения участников жизненного мира эти различия выглядят так, будто социология с системно-теоретической ориентацией рассматривает только один из трех компонентов жизненного мира (интерналистская трактовка жизненного мира) – институциональную систему, для которой культура и личность составляют взаимодополняющую среду. С точки зрения наблюдателя теории систем это выглядит так, будто анализ жизненного мира ограничивается одной социальной подсистемой, специализирующейся на поддержании структурных паттернов (*pattern maintenance*); с такой точки зрения компоненты жизненного мира являются всего лишь внутренними дифференциациями этой подсистемы, определяющей параметры социального самоподдержания. В определенном смысле жизненный мир, к которому принадлежат участники общения, присутствует всегда, но образует фон для реальной сцены – это подход в контексте экстерналистской трактовки жизненного мира. Как только контекст релевантности такого рода привносится в ситуацию и становится частью ситуации, он теряет свою тривиальность и неоспоримую основательность.

Выводы

В первой части данной статьи предпринята авторская попытка представить ключевые параметры дефиниции «жизненный мир» («*life world*») с точек зрения символического интеракционизма, феноменологии и коммуникативного действия как базовых компонентов интерпретативных современных социологических теорий.

Авторы статьи представили «координаты» «жизненного мира» по осям: методологический индивидуализм – методологический коллективизм, а также рациональное – нерациональное. Фокусировка на противо-

речивых моментах «рационализации» и «нерационализации» жизненных миров формулирует научную проблему, которая состоит в преодолении сложности относительно идентификации теоретико-практического предмета исследования в сфере интерсубъективности (*intersubjectivity*) акторов, сотрудничающих друг с другом во взаимосвязанных перспективах и взаимных ролях в рамках одного и того же коммуникативного контекста. Показано, что развитие этой тематики требует дальнейшего изучения конкретных моделей общения и действия, их операционализации и верификации.

Научный вклад авторов статьи сопряжен с обоснованием и развитием «интерпретативной социологии» (*interpretive sociology*). Авторы поставили амбициозную задачу – на базе опорных пунктов понимания социальных действий и коммуникаций в поле интерсубъективности выявить, какими способами смысл и значения приобретают статус социальной объективности. В этом плане авторы следовали методологии Ю. Хабермаса, который увидел общее и различное дефиниций «объективность», «рациональность», «валидность» в поле интерсубъективности, указывая, что они могут быть научно обоснованы тогда, когда воплощают знание, подверженное ошибкам, с указанием на них, восприимчивое к критике и имеющее отношение к объективному миру (к фактам), открытое для «правильного» суждения.

Авторы представили различные компоненты жизненных миров, их смыслы, значения, связи, динамику с точек зрения символического интеракционизма, феноменологии и прагматики коммуникативного действия. Этими новыми авторскими подходами выдвигаются аргументы, объясняющие саму разработку концепции «жизненного мира», теоретическую и практическую актуальность данной статьи в экономической социологии как парадигмальное последствие концептуального поворота от теории познания (гносеологии как анализа отношений «субъекта» и «объекта» и эпистемологии как изучения отношений «объект – знание») – к современной теории коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абельс Х. (2000). Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина, В.В. Козловского. Санкт-Петербург: Алетейя. 272 с.
- Аверкиева К.В., Глезер О.Б., Нефедова Т.Г. [и др.] (2021). Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах центра России» // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-154-169
- Анисимов Р.И., Белова Н.И., Буланова М.Б. [и др.] (2016). Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 368 с.
- Бахманн-Медик Д. (2017). Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. Москва: Новое литературное обозрение. 504 с.
- Беляева Л.А. (2018). Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. Т. 18. № 1. С. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72
- Беляева Л.А. (2023). Первые Лапинские чтения. Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях // Социологические исследования. № 3. С. 150–153. DOI: 10.31857/S013216250024038-4
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум. 323 с.
- Блумер Г. (2017). Символический интеракционизм: перспектива и метод / пер. с англ. А. Корбута; предисл. Р. Пруса. Москва: Элементарные формы. 343 с.
- Вахштайн В.С. (2003). Интерпретации наследия Ирвинга Гофмана // Социологический журнал. № 3. С. 152–162.
- Вахштайн В.С. (2011). Социология повседневности и теория фреймов. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 334 с.
- Вахштайн В.С. (2015). Дело о повседневности: социология в судебных прецедентах. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 114 с.
- Вахштайн В.С. (2022). Воображая город. Введение в теорию концептуализации. Москва: Новое литературное обозрение. 576 с.
- Виноградский В.Г. (2015). Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. № 12 (380). С. 82–91.
- Виноградский В.Г. (2016). Поколенческие трансформации сельских сообществ: элементы, формы, перспективы // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. № 1 (60). С. 58–62.
- Виноградский В.Г. (2017а). «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.
- Виноградский В.Г. (2017б). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101–120.
- Виноградский В.Г. (2018). Крестьянские устные повести: опыт дискурсивного чтения // Мир России. Социология. Этнология. Т. 27. № 1. С. 90–113. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-90-113
- Виноградский В.Г. (2019). Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования. № 5. С. 4–13.
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. (2019). Экология сельского мира глазами крестьян // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 70–97. DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-70-97
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. (2020). Изучение жизненных практик сельских домохозяйств: опыт полевых социологических исследований // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского гос. аграрн. ун-та (ГАУ). № 2 (16). С. 213–225. DOI: 10.36718/2500-1825-2020-2-213-225
- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С. (2020). Экология сельского мира как предмет социологического исследования // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 125–142. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142
- Витгенштейн Л. (1994а). Философские работы. Ч. I / сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. Москва: Гнозис. 612 с.
- Витгенштейн Л. (1994б). Философские работы. Ч. II / сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. Москва: Гнозис. 612 с.

- Витгенштейн Л. (2005). Избранные работы / пер. с нем., англ. В. Руднева. Москва: Территория будущего. 440 с.
- Витгенштейн Л. (2009). Дневники 1914–1916. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация». 399 с.
- Витгенштейн Л. (2017). Логико-философский трактат. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация». 288 с.
- Гадамер Г.Г. (1988). Истина и метод / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс. 704 с.
- Гадамер Г.Г. (1991). Актуальность прекрасного / пер. с нем. Москва: Искусство. 367 с.
- Гадамер Г.Г. (2000). Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. 256 с.
- Гарфинкель Г. (2003). Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 3–19.
- Гарфинкель Г. (2007). Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. Санкт-Петербург: Питер. 336 с.
- Гарфинкель Г. (2009). Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / пер. с англ. А.М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 8. № 1. С. 3–25.
- Гарфинкель Г. (2012). Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 144–154.
- Глухова А.В., Коврикова О.И., Когай Е.А. [и др.] (2020). Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья) / отв. ред. А.В. Глухова. Воронеж: Научная книга. 300 с.
- Гоффман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Ковалева. Москва: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 304 с.
- Гоффман И. (2002). Укоренение деятельности в окружающем мире. Предисловие. «Фрейм-анализ» Гоффмана с точки зрения переводчика // Социологическое обозрение. Т. 2. № 2. С. 10–52.
- Гоффман И. (2004). Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. Москва: Институт социологии РАН. 752 с.
- Гоффман И. (2009). Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. Москва: Смысл. 319 с.
- Гуссерль Э. (2006). Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева. Москва: Наука. 315 с.
- Гуссерль Э. (2009). Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. Москва: Академический Проект. 489 с.
- Гуссерль Э. (2010). Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. Москва: Академический Проект. 229 с.
- Давыденко В.А., Андрианова Е.В. (2022). Новые повороты как стратегические переориентации гуманитарных наук // Siberian Socium. Т. 6. № 3 (21). С. 8–38. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-8-38
- Давыденко В.А., Андрианова Е.В. (2023). «Симулякры перевода»: рефлексия по поводу выхода в свет книги Юргена Хабермаса «Теория коммуникативной деятельности» // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 9. № 2. С. 58–82. URL: <https://doi.org/10.21684/24n-7897-2023-9-2-58-82>
- Дулина Н.В., Дьякова В.В., Каргаполова Е.В. [и др.] (2019). Социально-экологическая система региона: состояние и тенденции развития: монография / под общ. ред. Е.В. Каргаполовой Астрахань: Астраханский университет. 231 с.
- Ионин Л.Г. (1979). Понимающая социология. Историко-критический анализ. Москва: Академия наук СССР, Ин-т социол. иссл. 208 с.
- Ионин Л.Г. (2010). Апдейт консерватизма. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ. 304 с.
- Ионин Л.Г. (2022). Драма жизни Макса Вебера. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 384 с.
- Когай Е.А. (1997). Очерки социальной экологии: человек и природа в социокультурном измерении. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та. 151 с.
- Когай Е.А. (2001). Человек и природа: ценностные регулятивы экологического сознания. Москва: Прометей. 188 с.
- Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. (2008). Социокультурный портрет Курской области. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та. 227 с.
- Когай Е.А., Пасовец Ю.М. (2020). Основания стратегического планирования развития территории: муниципальный уровень: монография. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та. 130 с.

- Когай Е.А., Пасовец Ю.М., Кульсеева Т.Г., Телегин А.А., Горемычкин Р.С. (2011). Курская область в динамике социокультурных измерений. Курск: Учитель. 232 с.
- Когай Е.А., Ромашкина Г.Ф. (2022). Первые «Лапинские чтения» как продолжение традиции проекта конференции «Социокультурные портреты регионов России» // Siberian Socium. Т. 6. № 4 (22). С. 95–105. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-95-105
- Когай Е.А., Самойлов А.Н. (2014). Жизненный мир в европейской традиции: опыт рецепции // Ученые записки: электронный научный журнал Курского гос. ун-та. № 4 (32). С. 68–74.
- Лапин Н.И. (2000). Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. № 7. С. 3–12.
- Лапин Н.И. (2005). Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. № 2. С. 17–29.
- Лапин Н.И. (2010). Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. № 7. С. 28–39.
- Лапин Н.И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. № 9. С. 3–17.
- Лапин Н.И. (2013). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. С. 214–239.
- Лапин Н.И. (2015). Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. (2018). Антропологический эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. № 3 (407). С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017
- Лапин Н.И. (2020). О новом этапе исследований социокультурной эволюции российских регионов (для XVI конференции межрегиональной программы, ВСК-VI, г. Тюмень) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 6. № 2 (22). С. 6–17. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-6-17
- Лапин Н.И. (2021a). Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. № 5. С. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250014468-7
- Лапин Н.И. (2021b). Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. Москва: Весь Мир. 364 с.
- Лапин Н.И. (2021c). Российский проект цивилизационного развития и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. Т. 3. № 1. С. 6–42. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42
- Лапин Н.И. (2021d). Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопросы философии. № 5. С. 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16
- Мид Д.Г. (2009). Избранное: сб. переводов / Центр социальных научно-информационных исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и перев. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. Москва: РАН. ИНИОН. 290 с.
- Мид Д.Г. (2014). Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи; предисл., введ. А.И. Мерфи; вступит. слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьмина (доп. очерк IV); под науч. ред. В.Г. Николаева; закл. ст. В.Г. Николаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 272 с.
- Нефедова Т.Г. (2017). Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 7–18. DOI: 10.7868/S0373244417050012
- Нефедова Т.Г. (2018). Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. Т. 3. № 1. С. 111–133. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-3-1-111-133
- Нефедова Т.Г. (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153
- Нефедова Т.Г., Баскин Л.М., Покровский Н.Е. (2021). Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. № 12. С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250016852-0

- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2018). Региональные различия размещения и прогноза трудовых ресурсов сельского хозяйства России // Проблемы прогнозирования. № 1 (166). С. 85–98.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. № 12 (380). С. 60–69.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Жизненный мир – методологическая характеристика социологии жизни // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. № 7 (150). С. 9–14.
- Тощенко Ж.Т. (2017). Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. № 12 (404). С. 90–98. DOI: 10.7868/S0132162517120091
- Тощенко Ж.Т. (2019). От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3
- Тощенко Ж.Т. (2022). О соотношении понятий феномена и ноумена в современной социологии // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4 (3). С. 392–400. DOI: 10.289952686-7249-2022-4-392400
- Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И., Кученкова А.В. [и др.] (2020). Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа): колл. монография / ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.
- Тощенко Ж.Т., Великий П.П. (2018). Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
- Уинч И. (1996). Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. Москва: Русское феноменологическое общество. 107 с.
- Шютц А. (2003а). Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение». 336 с.
- Шютц А. (2003б). О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. С. 3–34.
- Шютц А. (2004). Избранное: мир, светящийся смыслом. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1056 с.
- Шютц А. (2008). Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. Т. 2. Вып. 1 (2). С. 72–87.
- Andrianova E.V., Kaźmierczyk E., Korovin M.D. (2022). Formation of the social pace of the suburb. *Siberian Socium*, 6, 4 (22), 8–34. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-8-34
- Appleroth S., Desfor L. (2021). *Classical and Contemporary Sociological Theory*. SAGE Publications, Inc; 3rd edition.
- Bachmann-Medick D. (2016). *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Berlin/Boston: De Gruyter (German version, 5th ed. Reinbek: Rowohlt, 2014). Translated by: Adam Blauhut. DOI: 10.1515/9783110402988
- Bachmann-Medick D., Kugele J., Nünning A. (eds.) (2020). *Futures of the Study of Culture: Interdisciplinary Perspectives, Global Challenges (Concepts for the Study of Culture, 8)*. Berlin: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110669398
- Baxter H. (2011). *Habermas: The Discourse Theory of Law and Democracy (Jurists: Profiles in Legal Theory)*. Stanford Law Books. 1st Edition.
- Blumer H. (1986). *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. University of California Press.
- Blumer H., Morrione T.J. (2004). *George Herbert Mead and human conduct*. Altamira Press.
- Cicoure A.V. (1979). *Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction*. New York: Free Press.
- Cicoure A.V. (1981). The role of cognitive-linguistic concepts in understanding everyday social interactions. *Annual Review of Sociology*, 7 (1), 87–106. DOI: 10.1146/annurev.so.07.080181.000511
- Cicoure A.V. (1985). Doctor-patient discourse. In: *Handbook of Discourse Analysis (Teun A. van Dijk, ed.)*, London, Academic Press, 4, 193–202.
- Cicourel A.V. (1964). *Method and Measurement in Sociology*. New York: The Free Press.
- Cicourel A.V. (1968). *The Social Organization of Juvenile Justice*. New York: Wiley.
- Cicourel A.V. (1974). *Theory and Method in a Study of Argentine Fertility*. New York: Wiley.

- Collins R. (2004). *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press.
- Edgley C. (2022). Dramaturgy. In: *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Edition by Michael Hviid Jacobsen. Routledge; 1st edition, 15–25.
- Fligstein N., McAdam D. (2012). *A Theory of Fields*. Oxford University Press; Reprint edition.
- Geertz C. (1985). *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books; 3rd edition.
- Habermas J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
- Habermas J. (1985). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
- Habermas J. (1988a). *On the Logic of the Social Sciences*. Transl. by S.W. Nichol森. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (1988b). *Theory and Practice*. Transl. by J. Viertel. Beacon Press.
- Habermas J. (1990a). *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas J. (1990b). *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)*. Transl. by S.W. Nichol森, J.A. Stark. MIT Press.
- Habermas J. (1995a). *Theorie des Kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der Funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1995b). *Theorie des Kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationalität und Gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Transl. by W. Rehg. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Habermas J. (1998). *On the Pragmatics of Communication*. Edited by M. Cooke. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (2001). *On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action (Studies in Contemporary German Social Thought)*. MIT Press; Reprint edition.
- Habermas J. (2008). *Between Naturalism and Religion*. Polity Press.
- Jacobsen M.H., Smith G. (2022). The persisting presence of Erving Goffman. introduction. In: *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Routledge; 1st edition, 1–12.
- Jacobsen M.H., Smith G. (eds.) (2022). *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Routledge; 1st edition.
- Leeds-Hurwitz W., Winkin Y. (2022). Goffman and communication. In: *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Edition by Michael Hviid Jacobsen. Routledge; 1st edition, 184–195.
- Merritt M. (2018). An interdisciplinary anthropologist at work: A focused intellectual biography of Erving Goffman. *Berose: Encyclopedie Internationale des Histoires de l'anthropologie*. Paris, 1–17.
- Parker R.D. (2019). *How to Interpret Literature: Critical Theory for Literary and Cultural Studies*. 3rd ed. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Parsons T. (1954). *Essays in sociological theory*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Parsons T. (2017a). *Theories of Society, Vol. 1: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: Forgotten Books.
- Parsons T. (2017b). *Theories of Society, Vol. 2: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: Forgotten Books.
- Riggins S.H. (1990). Introduction. In: *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Walter de Gruyter; Reprint 2010 ed., 1–19.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2017). *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. The Guilford Press.
- Smith G. (2022). Ritual. In: *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Edition by Michael Hviid Jacobsen. Routledge; 1st ed., 38–50.
- Winch P. (2016). *The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820766>
- Witzel A., Mey G. (2004). «I am not opposed to quantification or formalization or modeling, but do not want to pursue quantitative methods that are not commensurate with the research phenomena addressed». *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 5 (3), 41. DOI: 10.17169/fqs-5.3.549

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Андрианова – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6); старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16); e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6); e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru

Худякова Юлия – аспирант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6); e-mail: y.khudyakova@utmn.ru

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Khudyakova Yu.

“LIFEWORLD” CONCEPT IN SYMBOLIC INTERACTIONISM, PHENOMENOLOGY AND COMMUNICATIVE ACTION PRAGMATICS. PART I

The article proposes our approach in presenting the key parameters of the definition “life world” from the point of view of symbolic interactionism, phenomenology and pragmatics of communicative action as fundamental components of sociological theories. The relevance of this article is that it clearly demonstrates how the main macro trends in the humanities – Marxism, functionalism, and Weberianism, which attempt to represent role systems in their objective context – can be complemented by the constructive components of contemporary subjective-understanding micro-level sociology in the contexts of meaning structures and rules of interpretation, in terms of which the actor defines the situation, self-understanding, motivation, actions, and other dimensions of embeddedness with social roles in the context of the lifeworld. The novelty of the research lies in the fact that the article shows the transitions from microlevels to macrostructural phenomena and back as the results of interactions and communications at the microlevel, including in the framework of theories of orders of interaction in I. Goffman’s models, interaction ritual chains by R. Collins, communicative action as mechanisms of symbolic reproduction in the models of J. Habermas, which allow studying the dynamics and contexts of individual and group “lifeworld” and its components. We have attempted an ambitious task – to identify the ways in which meaning and values acquire the status of social objectivity on the basis of reference points for understanding social action and communication in the field of intersubjectivity.

The definition of “lifeworld”, its components, their dynamics and mutual intersections, symbolic interactionism, phenomenology of everyday world, theories and pragmatics of communicative action.

REFERENCES

- Abels H. (2000). *Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya: vvedenie v interpretativnyuyu sotsiologiyu* [Interaction, Identity, Presentation: An Introduction to Interpretive Sociology]. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Andrianova E.V., Kaźmierczyk E., Korovin M.D. (2022). Formation of the social pace of the suburb. *Siberian Socium*, 6, 4(22), 8–34. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-8-34
- Anisimov R.I., Belova N.I., Bulanova M.B. et al. (2016). *Smysly sel'skoi zhizni (opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (Experience of Sociological Analysis)]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Applerouth S., Desfor L. (2021). *Classical and Contemporary Sociological Theory*. SAGE Publications, Inc; 3rd edition.
- Averkiewa K.V., Glezer O.B., Nefedova T.G. et al. (2021). Discussion of the presentation of T.G. Nefedova “Polarization of the social-developed regions of Central Russia”. *Krest'yanovedenie*, 6(1), 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-154-169 (in Russian).
- Bachmann-Medick D. (2016). *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Berlin/Boston: De Gruyter (German version, 5th ed. Reinbek: Rowohlt, 2014). Translated by: Blauhut A. DOI: 10.1515/9783110402988
- Bachmann-Medick D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bachmann-Medick D., Kugele J., Nünning A. (eds.) (2020). *Futures of the Study of Culture: Interdisciplinary Perspectives, Global Challenges (Concepts for the Study of Culture, 8)*. Berlin: De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110669398
- Baxter H. (2011). *Habermas: The Discourse Theory of Law and Democracy (Jurists: Profiles in Legal Theory)*. Stanford Law Books. 1st Edition.
- Belyaeva L.A. (2018). Social distances as a feature of the contemporary Russian social space. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 18(1), 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72 (in Russian).
- Belyaeva L.A. (2023). First Lapin readings. Consolidation of Russian society in the new geopolitical realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 3, 150–153. DOI: 10.31857/S013216250024038-4 (in Russian).
- Berger P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium.
- Blumer H. (1986). *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. University of California Press.
- Blumer H. (2017). *Simvolicheskii interaktsionizm: perspektiva i metod* [Symbolic Interactionism: Perspective & Method]. Moscow: Elementarnye formy.
- Blumer H., Morrione T.J. (2004). *George Herbert Mead and Human Conduct*. Altamira Press.
- Cicoure A.V. (1979). *Cognitive Sociology: Language and Meaning in Social Interaction*. New York: Free Press.
- Cicoure A.V. (1981). The role of cognitive-linguistic concepts in understanding everyday social interactions. *Annual Review of Sociology*, 7(1), 87–106. DOI: 10.1146/annurev.so.07.080181.000511
- Cicoure A.V. (1985). Doctor-patient discourse. In: van Dijk T.A. (Ed.) *Handbook of Discourse Analysis, Issue 4*. London: Academic Press.
- Cicourel A.V. (1964). *Method and Measurement in Sociology*. New York: The Free Press.
- Cicourel A.V. (1968). *The Social Organization of Juvenile Justice*. New York: Wiley.
- Cicourel A.V. (1974). *Theory and Method in a Study of Argentine Fertility*. New York: Wiley.
- Collins R. (2004). *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press.
- Davydenko V.A., Andrianova E.V. (2022). New turns as strategic reorientations of the humanities. *Siberian Socium*, 6, 3(21), 8–38. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-8-38 (in Russian).
- Davydenko V.A., Andrianova E.V. (2023). “Simulacra of translation”: Reflections on the publication of Jurgen Habermas' theory of communication activity. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research*, 9(2), 58–82. Available at: <https://doi.org/10.21684/24n-7897-2023-9-2-58-82> (in Russian).
- Dulina N.V., D'yakova V.V., Kargapolova E.V. et al. (2019). *Sotsial'no-ekologicheskaya sistema regiona: sostoyanie i tendentsii razvitiya: monografiya* [Socio-Ecological System of the Region: State and Development Trends: Monograph]. Astrakhan: Astrakhanskii universitet.

- Edgley C. (2022). Dramaturgy. In: Jacobsen M.H. (Ed.). *The Routledge International Handbook of Goffman Studies. First Edition*. Routledge.
- Fligstein N., McAdam D. (2012). *A Theory of Fields*. Oxford University Press: Reprint Edition.
- Gadamer H.G. (1988). *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress.
- Gadamer H.G. (1991). *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beauty]. Moscow: Iskusstvo.
- Gadamer H.G. (2000). *Dialekticheskaya etika Platona (fenomenologicheskaya interpretatsiya "Fileba")* [Plato's Dialectical Ethics: Phenomenological Interpretations Relating to the Philebus]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo.
- Garfinkel H. (2003). Common sense knowledge of social structures: Documentary method of interpretation in professional and non-professional fact-finding. *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 3(1), 3–19 (in Russian).
- Garfinkel H. (2007). *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter.
- Garfinkel H. (2009). A conception of and experiments with “trust” as a condition of concreted stable actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 8(1), 3–25 (in Russian).
- Garfinkel H. (2012). What is ethnomethodology? *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 11(3), 144–154 (in Russian).
- Geertz C. (1985). *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. Third Edition*. New York: Basic Books.
- Glukhova A.V., Kovrikova O.I., Kogai E.A. et al. (2020). *Adaptatsionnyi potentsial regional'nykh politicheskikh sistem v usloviyakh neopredelennosti i riskov (na primere oblastei Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Adaptation Potential of Regional Political Systems under Conditions of Uncertainty and Risks (on the Example of the Regions of the Central Black Earth Region)]. Voronezh: Nauchnaya kniga.
- Goffman I. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole.
- Goffman I. (2002). Rooting activity in the world around us. Preface. Goffman's “Frame Analysis” from the translator's point of view. *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 2(2), 10–52 (in Russian).
- Goffman I. (2004). *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Goffman I. (2009). *Ritual vzaimodeistviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays In Face-To Face Behavior]. Moscow: Smysl.
- Habermas J. (1984). *The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*. Transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
- Habermas J. (1985). *The Theory of Communicative Action. Volume 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Transl. by T. McCarthy. Beacon Press.
- Habermas J. (1988a). *On the Logic of the Social Sciences*. Transl. by S.W. Nichol森. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (1988b). *Theory and Practice*. Transl. by J. Viertel. Beacon Press.
- Habermas J. (1990a). *The Philosophical Discourse of Modernity*. MIT Press.
- Habermas J. (1990b). *On the Logic of the Social Sciences (Studies in Contemporary German Social Thought)*. Transl. by S.W. Nichol森, J.A. Stark. MIT Press.
- Habermas J. (1995a). *Theorie des Kommunikativen Handelns: Bd. 2. Zur Kritik der Funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1995b). *Theorie des Kommunikativen Handelns: Bd. 1. Handlungsrationality und Gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Transl. by W. Rehg. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Habermas J. (1998). *On the Pragmatics of Communication*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habermas J. (2001). *On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action (Studies in Contemporary German Social Thought)*. MIT Press.
- Habermas J. (2008). *Between Naturalism and Religion*. Polity Press.
- Husserl E. (2006). *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Reflections]. Moscow: Nauka.

- Husserl E. (2009). *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy – First Book]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Husserl E. (2010). *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Ionin L.G. (1979). *Ponimayushchaya sotsiologiya. Istoriko-kriticheskii analiz* [Understanding Sociology. Historical and Critical Analysis]. Moscow: Akademiya nauk SSSR, In-t sotsiol. issl.
- Ionin L.G. (2010). *Apdeit konservatizma* [Conservatism Update]. Moscow: Izd. dom GU VShE.
- Ionin L.G. (2022). *Drama zhizni Maksa Vebera* [The Drama of Max Weber's Life]. Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- Jacobsen M.H., Smith G. (2022). The persisting presence of Erving Goffman. introduction. In: *The Routledge International Handbook of Goffman Studies. First Edition*. Routledge.
- Jacobsen M.H., Smith G. (eds.) (2022). *The Routledge International Handbook of Goffman Studies. First Edition*. Routledge.
- Kogay E.A. (1997). *Ocherki sotsial'noi ekologii: chelovek i priroda v sotsiokul'turnom izmerenii* [Essays on Social Ecology: Man and Nature in the Sociocultural Dimension]. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta.
- Kogay E.A. (2001). *Chelovek i priroda: tsennostnye regulyativy ekologicheskogo soznaniya* [Man and Nature: Value Regulators of Ecological Consciousness]. Moscow: Prometei.
- Kogay E.A., Kul'seeva T.G., Pasovets Yu.M., Telegin A.A. (2008). *Sotsiokul'turnyi portret Kurskoi oblasti* [Sociocultural Portrait of Kursk Region]. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. un-ta.
- Kogay E.A., Pasovets Yu.M. (2020). *Osnovaniya strategicheskogo planirovaniya razvitiya territorii: munitsipal'nyi uroven': monografiya* [Foundations of Strategic Planning of Territory Development: Municipal Level: Monograph]. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. un-ta.
- Kogay E.A., Pasovets Yu.M., Kul'seeva T.G., Telegin A.A., Goremychkin R.S. (2011). *Kurskaya oblast' v dinamike sotsiokul'turnykh izmerenii* [Kursk Region in the Dynamics of Socio-Cultural Dimensions]. Kursk: Uchitel'.
- Kogay E.A., Romashkina G.F. (2022). The first Lapin readings as a legacy of the conferences within the project "Sociocultural portraits of Russia's region's" *Siberian Socium*, 6, 4(22), 95–105. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-4-95-105 (in Russian).
- Kogay E.A., Samoilov A.N. (2014). Life world in the European tradition: The experience of reception. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gos. un-ta*, 4(32), 68–74 (in Russian).
- Lapin N.I. (2000). Sociocultural approach and societal-functional structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 7, 3–12 (in Russian).
- Lapin N.I. (2005). Anthroposocietal approach: Methodological foundations, sociological dimensions. *Voprosy filosofii*, 2, 17–29 (in Russian).
- Lapin N.I. (2010). New challenges in regional community research. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 7, 28–39 (in Russian).
- Lapin N.I. (2011). Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 9, 3–17 (in Russian).
- Lapin N.I. (2013). *Sotsiokul'turnye faktory rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii. Novye idei v sotsiologii: monografiya* [Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization. New Ideas in Sociology: Monograph]. Moscow: YuNITI-DANA (in Russian).
- Lapin N.I. (2015). Distances between states of modernization of macroregions of the Russia and their civilization contexts. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 61–71 (in Russian).
- Lapin N.I. (2018). Anthroposociocultural evolutionism – a metatheoretical principle of studying human communities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 3(407), 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017 (in Russian).
- Lapin N.I. (2020). About a new stage of research on the sociocultural evolution of Russian regions (for the XVITH conference of the interregional program, VSK-VI, Tyumen). *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 6, 2(22), 6–17. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-6-17 (in Russian).
- Lapin N.I. (2021a). Basic human interaction and civic-social culture as a subject of study. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 104–115. DOI: 10.31857/S013216250014468-7 (in Russian).
- Lapin N.I. (2021b). *Slozhnost' stanovleniya novoi Rossii. Antroposotsiokul'turnyi podkhod* [The Complexity of the Formation of the New Russia. Anthroposociocultural Approach]. Moscow: Ves' Mir.

- Lapin N.I. (2021c). “Russian civilization development project” and anthroposociocultural approach. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, 3(1), 6–42. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42 (in Russian).
- Lapin N.I. (2021d). Man and culture of his interactions with society in the Russia’s past, present and future (continuing the traditions of the axial generation). *Voprosy filosofii*, 5, 5–16. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-5-16 (in Russian).
- Leeds-Hurwitz W., Winkin Y. (2022). Goffman and communication. In: Jacobsen M.H. (Ed.). *The Routledge International Handbook of Goffman Studies First Edition*. Routledge.
- Mead D.H. (2009). *Izbrannoe: sb. perevodov* [Selected Works: Collection of Translations]. Moscow: RAN. INION.
- Mead D.H. (2014). *Filosofiya nastoyashchego* [The Philosophy of the Present]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Merritt M. (2018). An interdisciplinary anthropologist at work: A focused intellectual biography of Erving Goffman. *Berose: Encyclopedie Internationale des Histoires de l’anthropologie*. Paris, 1–17.
- Nefedova T.G. (2017). Twenty-five years of Post-Soviet Russian agriculture: Geographic trends and contradictions. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 5, 7–18. DOI: 10.7868/S0373244417050012 (in Russian).
- Nefedova T.G. (2018). Contemporary peasant economy in the rural-urban environment. *Krest’yanovedenie=Russian Peasant Studies. Scientific Journal*, 3(1), 111–133. DOI: 10.22394/2500-1809-2017-3-1-111-133 (in Russian).
- Nefedova T.G. (2021). Polarization of the socio-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia. *Krest’yanovedenie=Russian Peasant Studies. Scientific Journal*, 6(1), 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153 (in Russian).
- Nefedova T.G., Baskin L.M., Pokrovskii N.E. (2021). Evolution of socio-economic space in the local rural areas in the remote Northern Russian (case of the Manturovsky district of the Kostroma Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12, 124–134. DOI: 10.31857/S013216250016852-0 (in Russian).
- Nefedova T.G., Mkrtchyan N.V. (2018). Regional differences in the location and forecast of labor resources of agriculture in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1 (166). C. 85–98 (in Russian).
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2015). Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12(380), 60–69 (in Russian).
- Parker R.D. (2019). *How to Interpret Literature: Critical Theory for Literary and Cultural Studies*. 3rd Ed. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Parsons T. (1954). *Essays in sociological theory*. Glencoe, Ill.: Free Press.
- Parsons T. (2017a). *Theories of Society, Vol. 1: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: Forgotten Books.
- Parsons T. (2017b). *Theories of Society, Vol. 2: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: Forgotten Books.
- Riggins S.H. (1990). Introduction. In: *Beyond Goffman: Studies on Communication, Institution, and Social Interaction*. Walter de Gruyter; Reprint 2010 ed., 1–19.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2017). *Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. The Guilford Press.
- Schutz A. (2003a). *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The Structure of the Life-World: Essays in Phenomenological Sociology]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
- Schutz A. (2003b). On multiple realities. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 3(2), 3–34 (in Russian).
- Schutz A. (2004). *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Favorites: World Glowing with Meaning]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Schutz A. (2008). Some structures of the lifeworld. *Voprosy sotsial’noi teorii*, 2, 1(2), 72–87 (in Russian).
- Smith G. (2022). Ritual. In: Jacobsen M.H. (Ed.). *The Routledge International Handbook of Goffman Studies. First Edition*. Routledge.
- Toshchenko Zh.T. (2015). The lifeworld is a methodological characteristic of the sociology of life. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 7(150), 9–14 (in Russian).

- Toshchenko Zh.T. (2017). What is a modern Russian village? *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12(404), 90–98. DOI: 10.7868/S0132162517120091 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. (2019). From phenomenon to noumenon: A methodological and methodic search. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 4, 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. (2022). On the relationship between the concepts of phenomenon and noumenon in modern sociology. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya=RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 4(3), 392–400. DOI: 10.289952686-7249-2022-4-392400 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I., Kuchenkova A.V. et al. (2020). *Prekariat: stanovlenie novogo klassa (opyt sotsiologicheskogo analiza): koll. monografiya* [Precariat: The Formation of a New Class (Experience of Sociological Analysis): Collective Monograph]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Toshchenko Zh.T., Velikiy P.P. (2018). The key meanings of the lifeworld of rural residents in Russia. *Mir Rossii*, 27(1), 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33 (in Russian).
- Vakhshtain V.S. (2003). Interpretations of Irving Hoffman's legacy. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3, 152–162 (in Russian).
- Vakhshtain V.S. (2011). *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freimov* [Sociology of Everyday Life and Frame Theory]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge.
- Vakhshtain V.S. (2015). *Delo o povsednevnosti: sotsiologiya v sudebnykh pretsedentakh* [The Case of Everyday Life: Sociology in Judicial Precedents]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Vakhshtain V.S. (2022). *Voobrazhaya gorod. Vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining the City. Introduction to the Theory of Conceptualization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vinogradskii V.G. (2017a). "Golosa snizu": *diskursy sel'skoi povsednevnosti* ["Voices from Below": Discourses of Rural Everyday Life]. Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- Vinogradskii V.G., Vinogradskaya O.Ya., Nikulina E.S. (2020). Ecology of the rural world as an object of sociological research. *Krest'yanovedenie=Russian Peasant Studies. Scientific Journal*, 5(1), 125–142. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142 (in Russian).
- Vinogradskiy V.G. (2016). Generational transformation of rural communities: Elements, forms, prospects. *Vestnik Saratovskogo gos. sots.-ekon. un-ta*, 1(60), 58–62 (in Russian).
- Vinogradskiy V.G. (2018). The oral stories of peasants: An exercise in discursive reading. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 27(1), 90–113. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-90-113 (in Russian).
- Vinogradsky V.G. (2015). Peasant world in discourse of generational grief. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12(380), 82–91 (in Russian).
- Vinogradsky V.G. (2017b). Forms of informality: Invisible economy of the peasant house. *Krest'yanovedenie=Russian Peasant Studies. Scientific Journal*, 2(2), 101–120 (in Russian).
- Vinogradsky V.G. (2019). Rural universes: A sociological reconstruction. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 4–13 (in Russian).
- Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. (2019). Ecology of the rural world in the perception of peasants. *Krest'yanovedenie=Russian Peasant Studies. Scientific Journal*, 4(1), 70–97. DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-70-97 (in Russian).
- Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. (2020). The study of life practices of rural households: The experience of field sociological researches. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo gos. agrarn. un-ta (GAU)*, 2(16), 213–225. DOI: 10.36718/2500-1825-2020-2-213-225 (in Russian).
- Winch P. (1996). *Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii* [The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
- Winch P. (2016). *The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820766>
- Wittgenstein L. (1994a). *Filosofskie raboty. Ch. I* [Philosophical Works. Part 1]. Moscow: Gnozis.
- Wittgenstein L. (1994b). *Filosofskie raboty. Ch. II* [Philosophical Works. Part 2]. Moscow: Gnozis.
- Wittgenstein L. (2005). *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Wittgenstein L. (2009). *Dnevniky 1914–1916* [Notebooks, 1914–1916]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
- Wittgenstein L. (2017). *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-Philosophical Treatise]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".

Witzel A., Mey G. (2004). "I am not opposed to quantification or formalization or modeling, but do not want to pursue quantitative methods that are not commensurate with the research phenomena addressed". *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 5(3), 41. DOI: 10.17169/fqs-5.3.549

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Andrianova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); Senior Researcher, West-Siberian Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); email: e.v.andrianova@utmn.ru

Vladimir A. Davydenko – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of research center, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); email: v.a.davydenko@utmn.ru

Yulia Khudyakova – graduate student of department of general and economic sociology, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); email: y.khudyakova@utmn.ru